

Марьин Евгений Владимирович, к.ю.н., доцент кафедры земельного права и государственной регистрации недвижимости ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии» (МИИГАиК)

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОВ ДРЕВНЕГО ВАВИЛОНА И БИБЛЕЙСКОГО ПЯТИКНИЖИЯ

Аннотация: Статья посвящена компаративистскому изучению памятников древнего права. Автор анализирует знаменитые законы царя Хаммурапи и социальные нормы Библейского Пятикнижия. В кодексе Хаммурапи темы, сгруппированные по главам, охватывают уголовные и гражданские права. Наиболее важные из них касаются семьи, рабства, профессионального и коммерческого, сельскохозяйственного и административного права. В итоге отмечается, что расхождения между библейскими и небиблейскими ближневосточными законами об убийстве предстают не как различные стадии на пути прогресса или эволюционного развития, а как отражения различных основополагающих принципов.

Ключевые слова: кодекс Хаммурапи, библейское законодательство, семейное право, институт брака, правовой обычай, принцип талиона.

Abstract: The article is devoted to the comparative study of the monuments of ancient law. The author analyzes the famous laws of King Hammurabi and the social norms of the Biblical Pentateuch. In the Hammurabi Code, topics grouped by chapter cover criminal and civil rights. The most important of them relate to the family, slavery, professional and commercial, agricultural and administrative law. As a result, it is noted that the discrepancies between the biblical and non-biblical Middle Eastern laws on murder do not appear as different stages on the path of progress or evolutionary development, but as reflections of different fundamental principles.

Key words: code of Hammurabi, biblical law, family law, institution of marriage, legal custom, talion principle.

Право древнего Ближнего Востока - это своего рода пещера Али-Бабы для историков права: на сегодняшний день обнаружено около 500 000 табличек, которые представляют интерес почти для всех юристов. Право имеет долгую историю в древнем Ближнем Востоке, который длится 3000 лет, от шумеров к огромному ассирийской и вавилонской империй второго тысячелетия до нашей эры, через знаменитого Хаммурапи, который царствовал около 1750 до н.э.

Кодекс Хаммурапи - это эмблема месопотамской цивилизации. Высокая базальтовая стела, воздвигнутая вавилонским царем в 18 веке до нашей эры. Это произведение искусства, историческое и литературное произведение и наиболее полное юридическое собрание античности, до появления библейских законов. Перевезен князем из соседней страны Элам в Иран в XII веке до нашей эры. н.э., памятник был выставлен на Акрополе в Сузах среди других престижных месопотамских шедевров. Стела его царя Хаммурапи - это отчет одного из самых престижных времен правления древней Месопотамии. Написанное в последние годы жизни государя, это политическое завещание предназначено для будущих князей, которым он предлагает в качестве образца идеал мудрости и справедливости. Кодекс действительно служил литературным образцом для школ писцов, которые копировали его более тысячи лет [5].

Однако следует подчеркнуть, что все регионы и все периоды не задокументированы с одинаковым разнообразием; источники не отражают всех тем юридической жизни: есть пробелы для определенных периодов и для определенных областей истории права.

Основным источником, безусловно, является обычай. По определению, это устно, и поэтому в значительной степени игнорируется. Мы знаем это из практических актов, которые реализуют общепринятые принципы, например, в вопросах наследственного права: мы знаем местные обычаи по актам раздела наследства. Этот обычай также известен благодаря тому, что он используется

некоторыми местными юрисдикциями, такими как Собрание старейшин, которые являются памятником местного права, особенно в вопросах международных отношений (какой ранг занимает местный король по сравнению с другими соседними державами). и как он должен обращаться к своим коллегам?) или вопросы прав выпаса, которые очень важны в бедуинских обществах [7].

Другой источник права представлен законом. Законы иногда собираются в «кодексы» (трехсторонние произведения, включающие пролог, свод законов и эпилог), наиболее известным из которых является кодекс Хаммурапи из Вавилона, около 1750 г. до н.э. Н.э., хранится в Лувре. Есть два других: Ур-Намма, царь Ура, около 2000 г. до н.э. Н.э. и Липит-Иштара, царя Исина около 1930 г. до н.э.

Итак, до нас дошли и другие законодательные собрания: законы королевства Эшнунна, почти современные Кодексу Хаммурапи; Ассирийские законы, внесенные в XII - м веке до нашей эры. Н.э., но отражает более старое правовое положение; нововавилонские законы, известные очень фрагментарно; законы хеттов, композиция длится с середины семнадцатого е в конце XII - го века до нашей эры.

Поэтому обилие и достоверность источников не всегда гарантирует плодотворные исследования и ответы на вопросы историков. «Справедливый царь», как он любит называть себя в своем Кодексе, Хаммурапи также является победителем и воином своего времени. Он разрушает города, грабит дворцы своих побежденных.... Но, в конце концов, во многих отношениях сам Кодекс зачастую далек от нашего идеала справедливости. Что касается наказаний, то они кажутся нам ужасно жестокими. Сыну, ударившему отца, отрубили руку. Няне, которая позволила ребенку умереть, потому что она согласилась кормить другого, разрезает грудь. Сын проститутки, который сказал своему приемному отцу: «Ты не мой отец!» вырван язык.

3800 лет отделяют нас от Хаммурапи, и значение слова «праведный» изменилось. Но и современного человека может тронуть воля Хаммурпаи,

утвержденная в Кодексе, что «сильные не притесняют слабых» и что справедливость должна быть отдана «вдове и сироте».

В широком смысле уголовное право - это предписание государственной власти, которое на будущее закрепляет верховенство закона в абстрактных, общих и обезличенных терминах. Мы не можем уделять слишком много внимания этой важной особенности уголовного права: обращенное в будущее уголовное право нацелено на теоретические человеческие действия с неопределенными контурами.

Таким образом, в странах, где уделяется внимание разделению законодательной, судебной и исполнительной функций, объем полномочий законодателя ограничен: конкретные дела, определенные виды, индивидуальные ситуации ускользают от него. Второе следствие: соответствующая область полномочий каждого органа государства зависит не от произвольного распределения, а от технической необходимости. Нынешняя гипертрофия нашего законодательного корпуса - одна из причин плохого функционирования наших институтов.

В узком смысле уголовное право - это норма права, установленная Законодательным органом, которая определяет инкриминирующие действия, указывает типы действий, позволяющих приписать преступление обвиняемому, и определяет санкции, связанные с таким преступлением в котором подробно излагаются процессуальные правила, которым должен следовать прокурор при возбуждении дела, магистраты во время расследования дела, затем суд во время вынесения приговора и, наконец, устанавливаются сроки исполнения приговоров.

Уголовное право Моисеева законодательства, по-видимому, отличалось особенной строгостью. «Обычные формы наказания в настоящее время – заключение под стражу, не упоминаются у Моисея. Об них не могло быть и речи во время странствования евреев по пустыне» [4, с. 9].

Карательные нормы составляют главное содержание почти всех древних законодательств: здесь право рабовладельческого общества выступает прежде

всего как система жестоких наказаний за посягательство на основы рабовладельческого строя, на государство и семью, личность и собственность рабовладельца, как орудие классовой расправы с производителями материальных благ - рабами, а в целом - как устрашающая наказаниями система мер подавления всякого сопротивления классовой воле рабовладельцев организованных в государство и выражающих свою волю в действующем праве [5; 6; 7].

В сфере уголовного права божественное происхождение всех законов требует считать преступление грехом, нарушением божественной воли. Тот, кто поступает своевольно (т.е. противозаконно), всё равно, здешний он или пришелец, «он хулит Господа» (Числ.15,30). Бог здесь непосредственно затронут как законодатель и повелитель; проступок попирает не сформулированную человеком космическую истину, а ясно выраженную Божественную волю. Таким образом, подготовлена почва для того, чтобы считать проступок абсолютным злом, которое люди не властны ни простить, ни изгладить. По-видимому, на этом основании библейское право не допускает оправдания или смягчения наказания в определённых случаях, когда это позволяет клинописный закон. Имеются в виду дела по законам о прелюбодеянии и убийстве.

Уголовное право содержит наиболее обильный материал для параллелей из законов Моисея, с одной стороны и из древнеавилонских сборников - с другой. Переходя теперь к рассмотрению сходных статей, прежде всего выделим те постановления, сходство которых объясняется не заимствованием, но параллельным происхождением из одинаковых условий или по одинаковым поводам. Из уголовных постановлений тут прежде всего надо отметить статью, карающую штрафом за причинение беременной женщине выкидыша вследствие удара. В законах Хаммурапи читаем: «Если человек побил дочь человека и причинил ей выкидыш, то он должен отвесить 10 сиклей серебра за ее плод. Если эта женщина умерла, то должны убить его дочь» [3, с. 169].

Еврейский закон выносит в данном случае следующее постановление: «Когда дерутся люди, и ударят беременную женщину, и она выкинет, но не будет другого вреда, то взять с виновного пеню, какую наложит на него муж той женщины, и он должен заплатить оную при посредниках; а если будет вред, то отдай душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх.21,22-25). При известном различии в деталях (по закону Хаммурапи карается всякий выкидыш денежным штрафом в 10 сиклей серебра, по Исх. - карается всякий выкидыш, и размер штрафа назначается мужем пострадавшей) сущность постановлений одинакова; но здесь, конечно, не может быть никакой речи о заимствовании, так как подобного рода постановления типичны для целого ряда разнообразных, кодексов.

Далее рассмотрим постановления касающиеся прелюбодеяния. Наказать жену, или простить её, оставляют на усмотрение мужа. Если он наказывает жену, наказывают и её любовника; если он прощает её, то освобождают и любовника [1, с. 211]. Цель этого закона - защитить права мужа и дать ему компенсацию за причинённое зло. Однако, если муж желает отказаться от своего права и предпочитает смотреть сквозь пальцы на нанесённую ему обиду, то нет никакой нужды в компенсации. Прощение мужа аннулирует преступление [13, с. 172].

В законах Ур-Намму мы встречаем несколько статей такого характера: «Если жена человека завлекла другого человека, и он спал с ней, он (т.е. муж) убьёт эту женщину. В прелюбодеянии этом он (т.е. прелюбодей) будет свободен (от наказания). Если человек злонамеренно лишит невинности девственную рабыню другого человека, этот человек должен уплатить пять сиклей серебра» [3, с. 147]. В законах Хаммурапи говорится, что прелюбодеяние наказывается смертью обоих участников прелюбодеяния: «Если жена человека была схвачена лежащей с другим мужчиной, то их должно связать и бросить в воду. Если хозяин жены пощадит свою жену, то и царь пощадит своего раба» [3, с. 162]. Согласно израильскому закону: «Если кто

будет прелюбодействовать с женой замужнею, если кто будет прелюбодействовать с женою ближнего своего, - да будут преданы смерти и прелюбодей и прелюбодейка» (Лев.20,10; ср.Втор.22,23).

Здесь нет и речи о том, чтобы позволить мужу смягчить или отменить наказание. Ибо прелюбодеяние - это не только зло, причинённое мужу, это - грех против Бога, абсолютное зло. До какой степени превалировала такая точка зрения, можно увидеть из нескольких эпизодов: Авимелех предусмотрительно воздержался от насилия над Саррой, женой Авраама, и тем самым «не согрешил против Бога» - и ни слова не сказано о зле, причинённом Аврааму (Быт 20,6). Иосиф отвергает домогательства жены Потифара, аргументируя тем, что подобная измена своему господину была бы «грехом против Бога» (там же, 39,8). Автор надписания к псалму 50 – «псалом Давида, когда приходил к нему пророк Нафан, после того, как Давид вошёл к Вирсавии» - находит вполне естественным, что в ст. 6 говорится «Только против Тебя одного я согрешил». Конечно, закон считает, что прелюбодеяние - это также измена мужу (Числ. 5,12), но само преступление как таковое совершено против Бога. Наказание не предназначено для компенсации оскорблённому мужу за попрание его прав: «потерпевшей стороной» является Бог, нанесённое Ему оскорбление никто не может ни простить, ни сгладить. Мы видим, что во всех законодательствах прелюбодеяние карается смертной казнью.

Разница только та, что если по закону Моисея впавших в прелюбодеяние побивали камнями, то по вавилонским законам обоих участников прелюбодеяния бросали в воду. Несомненно, что эта разница не очень важна, если принять во внимание местные условия: вавилонянам, жившим при судоходных реках и многочисленных каналах, конечно, удобно и вполне естественно было бросать преступников в воду, между тем как у евреев, живших в местах безводных, где каждый колодец был, как говорится на счету, - наказание подобного рода не могло применяться. Что касается другого постановления царя Хаммурапи о прелюбодеянии, гласящего, что девица, подвергшаяся насилию без собственного согласия считается невинной (§ 130),

то оно вполне совпадает с Моисеевым постановлением по тому же вопросу (Втор.22,25-27). «Втор. 22,25-27: «Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученную и, схватив её, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею, а отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного: ибо это то же, как если бы кто восстал на ближнего своего и убил его; ибо он встретился с нею в поле, и хотя отроковица обрученная кричала, но некому было спасти её».

В менталитете месопотамских законодателей юридическое лицо женщины практически не существовало. Несмотря на то, что на древнем Ближнем Востоке были независимые женщины, закон обычно рассматривал только тех, кто юридически или экономически зависел от мужчины.

В месопотамской законодательной культуре женщина явно рассматривалась как продолжение личности ее отца или мужа, причем наиболее завидным социальным статусом женщины считался статус жены или дочери семьи. Таким образом, в наиболее распространенных социальных представлениях идеальная женщина была зависимой, даже если в действительности существовало много независимых женщин. Вот почему в большинстве случаев преступления и проступки, совершенные женой или дочерью семьи или против них, рассматриваются в отношении мужских проблем. Чтобы пролить свет на этот древний правовой дух, мы рассмотрим ряд уголовных законов, касающихся женщин.

Следует помнить, что цель уголовного закона - наложить наказание на лиц, виновных в правонарушениях, правонарушениях или преступлениях. Если в этом определении содержатся древние и современные права, категории наказуемых деяний не всегда совпадают с теми, которые мы знаем сегодня.

Право помилования в уголовных делах, которое законы Ближнего Востока (Законы Эшнунны § 48) предоставляют царю, неизвестно никому законодательству (царь имеет в исключительных случаях лишь предоставлять убежище убийцам (ср.2 Цар.14), что не одно то же) [1, с. 229]. Видимо, здесь мы имеем ещё одно указание на понимание в Израиле доктрины

Божественного происхождения законов. Только создатель закона имеет власть смягчить его; в Месопотамии - это царь, в Израиле никто из людей не обладает такой властью.

Рассмотрим теперь постановления, касающиеся порядка возмездия за вред наносимый личности. Закон о возмещении вознаграждения или *lex talionis*, по которому человеку за причиненное повреждение равным образом удовлетворяется, является основным положением еврейского права. В книге Исход говорится: «Глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, обожжение за обожжение, рану за рану, ушиб за ушиб» (Исх.21,24-25), и в книге Левит: «Кто сделает повреждение на теле ближнего своего, тому должно сделать то же, что он сделал: перелом за перелом, око за око, зуб за зуб; как он сделал повреждение на теле человека, так и ему должно сделать» (Лев.24,19-20).

Это основное положение рассматривалось в общем как примитивное и, следовательно, как пример ранней ступени развития юридического права. В кодексе Хаммурапи мы также встречаем закон о возмещении. Здесь ответственность за ущерб, причиненный личности, был всегда пропорционален общественному положению лица, ставшего жертвой неосторожности другого. Когда дело касалось благородного или свободного человека, закон возмездия применялся во всей суровости: «Если человек выколол глаз сыну человека, то должны выколоть ему глаз. Если он переломил кость человеку, то должны переломить ему кость. Если человек выбил зуб человеку, равному ему, то должны ему выбить зуб» [3, с. 168-169]. Обе эти точки зрения, одна в законодательстве Моисея, другая в кодексе Хаммурапи, бросаются в глаза по схожести в отношении юрисдикции. В законах Эшнунны кратко приводится ряд повреждений, связанных с соответствующей уплатой денег: «Если человек укусит человека за нос и отсечет его, то он должен отвесить 1 мину серебра; за глаз - 1 мину, за зуб-1/2 мины, за ухо - 1/2 мины, за удар по щеке - 10 сиклей серебра он должен отвесить. Если человек отрубит человеку палец, то он должен отвесить 2/3 мины серебра. Если человек повалит человека в и

сломает ему руку, то он должен отвесить 1/2 мины серебра. Если он сломает ему ногу, то он должен отвесить ему 2/3 мины серебра» [2, с. 218].

Если мы обратимся к древнейшему собранию законов царя Ур-Намму, то найдем в этом шумерском собрании твердо установленные денежные штрафы за телесные повреждения в различном размере. «Если человек другому человеку оружием конечность повредил, он уплатит десять сиклей серебра. Если человек другому человеку сломал орудием кость, он уплатит одну мину серебра. Если человек другому человеку ножом отрезал нос, он уплатит 2/3 мины серебра» [3, с. 147].

Еврейский закон согласуется в принципе с законом Хаммурапи, тогда как законы Эшнунны и Ур-Намму схожи в том, что они предписывают денежные штрафы, которые предположительно попадают пострадавшему лицу.

Расхождение в основных принципах израильского и неизраильского ближневосточных законодательств может объяснить различия в законах об убийстве. Беспрецедентная суровость библейского закона к этому преступлению считалась архаичной, примитивной или же отражавшей обычай бедуинов, касавшихся кровной мести. Но ни то, ни другое не может дать

Этот протест, впрочем, выражен в самом раннем своде законов - Книге Завета в Исходе записано, что убийство карается смертью (Исх. 21,12). Если убийство совершено животным - речь идёт о бодливом воле, - то животное следует побить камнями и мясо его есть нельзя. Если было известно, что вол норовист, а владелец проявил преступную небрежность, не заперев его, то владелец также подлежит смерти, как и вол, хотя здесь закон разрешает владельцу откупиться за сумму, установленную семьёй убитого (ст. 28). Это - единственный род вины, при котором древний закон допускал выкуп, что находится в полном согласии с более поздним законом (Числ. 35,31), который гласит: «И не берите выкупа за душу убийцы, который повинен смерти, но его должно предать смерти». Выкуп можно принять только за убийство, не совершённое самолично и преднамеренно. В противном случае убийство должно быть наказано смертью.

Эти положения резко противоречат другим ближневосточным законам об убийстве. Вне Библии не существует параллели этому абсолютному запрету на соглашение между убийцей и ближайшей родней. Всё законодательство Ближнего Востока признаёт право семьи убитого пойти на соглашение и не предавать смерти убийцу. Закон бедуинов: у бедуинов Синая за убийство выплачивается компенсация по тарифу, исчисляемому в верблюдах, за каждую отнятую жизнь [12, с. 49]. Коран равным образом проявляет терпимость к подобному соглашению. «О те, которые уверовали!» - говорится там,- «Предписано вам возмездие за убитых: свободный - за свободного, и раб - за раба, и женщина - за женщину. А кому будет прощено что-нибудь его братом, то - следование по обычаю и возмещение ему во благе» [12, с. 49].

В вавилонском законе о бодливом воле, в других отношениях близком библейскому закону, волю не полагается никакого наказания.

Считается, что в обоих этих пунктах библейский закон проявляет архаические черты [8; 12; 14 ; 17]. Однако рассматривать закон с точки зрения юридической отсталости или прогрессивности - значит считать, что библейское и небиблейское законодательства представляют собой две стадии в едином процессе исторического развития, процессе, в котором принятие компромиссного варианта является следующей стадией после строгого *justalio* (право на равное возмездие). Однако подлинная история библейского законодательства об убийстве показывает, что оно следовало совершенно другому принципу развития, чем тот, который определяет законодательство Ближнего Востока.

Точная и адекватная формулировка юридического постулата, лежащего в основе библейского закона об убийстве, дана в Быт 9,5: «Я взыщу и вашу кровь, в которой жизнь ваша; взыщу её от всякого зверя...Кто прольёт кровь человеческую, того кровь прольётся рукою человека: ибо человек создан по образу Божию». Согласно общепринятой точке зрения, этот отрывок принадлежит к довольно позднему слою традиции; однако, как сейчас будет показано, этот постулат действует в самых ранних законах [1, с. 214].

Смысл отрывка вполне ясен: человек, созданный по образу Божию - точное значение этих слов здесь нет необходимости обсуждать - представляет собой особую, высшую ценность. Из всех тварей, говорится в 1 главе книги Бытия, он один обладает этим признаком, ставящим его ближе всех к Богу и придающим ему высочайшую ценность. Первое практическое следствие этого верховенства приводится в 9,3: человеку дозволено есть животных. Установление ценностной иерархии, превозносящей человека над животными, означает, что человек может убивать их - только для пищи и жертвоприношения (ср. Лев.17,4) - но им не дозволено убивать его. Зверь, который убивает человека, разрушает образ Божий и должен понести за это наказание. На это и закон о бодливом воле из книги Исхода: его должно забить камнями. Религиозный мотив, присущий этому закону, далее становится очевидным из запрета употреблять в пищу мясо забитого вола. Это животное запятнано грехом и поэтому вызывает отвращение [16, с. 321].

В соответствующем пункте вавилонского законодательства не отразилось подобной идеи о вине, какая из-за особой ценности человеческой жизни налагается на всякого, кто её отнимает. Вавилонское законодательство занимается только охраной прав собственности и возмещением убытков. Поэтому оно только рассматривает вопрос об обязанности владельца вола возместить ущерб, причинённый животным. Сам вол не представляет интереса для закона, поскольку он не несёт никакой ответственности. В самом деле, можно было бы резонно возразить, что с точки зрения прав собственности библейский закон несправедлив: разве это не чрезмерная суровость по отношению к владельцу вола - убить его вола за первый же проступок? Должен ли он пострадать из-за несчастного случая, которого он никоим образом не мог предвидеть и за который, следовательно, не может нести ответственности?

Понятие об уникальности и главенстве человеческой жизни ставит ее вне всех других ценностей [1, с. 215]. Жизнь не может измеряться деньгами или имуществом и тем более человек не может служить эквивалентом другого человека. Никакая компенсация невозможна. Вина убийцы бесконечна, потому

что жизнь убитого бесценна; родные убитого не правомочны сказать, сколько за него надо заплатить. Совершилось абсолютное зло, грех против Бога, который не подлежит людскому суду. Результат этой точки зрения, несомненно, парадоксален: так как человеческая жизнь бесценна - убийство влечёт за собой наказание смертью. Однако этот парадокс не должен заслонять от нас ту ценность, которую закон стремится воплотить.

Представление о бесценности человеческой жизни лежит в основе библейской трактовки убийства в отличие от трактовки убийства в других правовых системах Ближнего Востока. Там закон допускает оценку стоимости жизни, а иногда даже фиксирует её, и предоставляет родне убитого решать, избрать ли месть или получить компенсацию за свою потерю деньгами или имуществом. Пожалуй, самое простое выражение практической оценки человеческой жизни встречается в тех случаях, когда наказание убийцы принимает форму выдачи других лиц - раба, сына, жены, брата «вместо крови», или «чтобы смыть кровь» [9, с. 35]. При соглашениях подобного рода за мотивировкой стоит желание возместить убыль воина или работника общине, лишившейся одного из своих членов. Нравственный аспект убийства настолько подчинён необходимости восстановить силу общины, что преступника не наказывают, а берут к себе [11, с. 191]; это - крайняя противоположность библейскому закону, который требует, чтобы даже мясо побитого камнями вола-человекоубийцы не употреблялось в пищу.

То, что расхождения в законодательстве отражают фундаментальные различия в системе ценностей, а вовсе не стадии в единой цепи эволюции, подтверждается и изучением оборотной стороны медали: трактовки преступлений против собственности. Вавилонскому законодательству известны преступления против собственности, которые влекут за собой смертную казнь.

В Вавилонии кража со взломом, грабёж при пожаре, ночные правонарушения, вероятно, с целью кражи и кража чужого имущества караются смертью [11, с. 53]. Напротив, терпимость библейского законодательства по отношению ко всякого рода преступлениям против собственности поразительна.

Ни одно из таких преступлений не карается смертью. Кража со взломом, за которую вавилонский закон предписывает суммарно казнь и повешение преступника на месте пролома, согласно библейскому закону наказывается возмещением убытка в двойном размере. Если ограбление произошло ночью, то хозяину дома предоставляется право убить виновника, застигнутого на месте преступления, хотя это и не предписано в качестве наказания (Исх. 22,2).

Если говорить о законодательстве Библии как архаическом в сравнении с после библейским еврейским законодательством. Здесь опять юридический постулат библейского законодательства об убийстве достигает своего полного выражения только позднее: понятие бесценности жизни привело к фактической отмене смертной казни, показывает её согласованность с особой внутренней логикой библейского законодательства то, что она не сопровождается установлением денежной компенсации. Условия, которые должны быть выполнены для вынесения смертного приговора, были так многочисленны, иначе говоря, забота о жизни обвиняемого была так велика, что вынесение смертного приговора стало невозможным. Однако в ходе этого процесса нигде нет и намёка на то, что когда-либо была мысль заменить смертную казнь денежной компенсацией. То же самое уважение к человеческой жизни, которое привело к фактической отмене смертной казни, не позволило назначать цену за жизнь убитого человека. (Это нежелание казнить преступника или заменить наказание создало дилемму, с которой еврейский закон так и не справился).

Таким образом, расхождения между библейскими и небиблейскими ближневосточными законами об убийстве предстают не как различные стадии на пути прогресса или эволюционного развития, а как отражения различных основополагающих принципов. Социально-политическое толкование этого расхождения также представляется неадекватным ввиду сохранения особенностей библейского законодательства на протяжении периода монархии, эпохи урбанизации Израиля, с одной стороны, и устойчивости древней, небиблейской точки зрения в более позднем бедуинском и арабском законодательстве, с другой стороны.

Библиографический список:

1. Гринберг М. Некоторые постулаты библейского уголовного права // Библейские исследования. Выпуск 1. – М.: Академическая серия, 1997.
2. Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / Перевод и комментарии И.М. Дьяконова // Вестник древней истории. 1952. № 3-4. Приложение.
3. Законы Хаммурапи // Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1980. Ч. 1. С. 151-178.
4. Терновский С.А. Библейская старина. М., 1990.
5. Якобсон В.А. Возникновение писаного права в древней Месопотамии // Вестник древней истории. 1981. № 4. С.9-20.
6. Якобсон В.А. Регулирование международной торговли по законам Хаммурапи // Древний Восток и мировая культура. М., 1985. С. 53-54.
7. Якобсон В.А. Законы Хаммурапи как источник по истории древней Месопотамии. Дисс. докт. ист. наук. Л.: Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, 1987. — 401 с.
8. Alt A. Die Ursprünge des israelitischen Rechts, in: Kleine. Schriften zur Geschichte des Volkes Israel, – München: S.n., 1953.
9. Driver, Miles. Assirian Laws. – Oxford: S.n., 1935.
10. Ginsberg J., Mishpatim Le-israel. A Study in Jewish Criminal Law. – Jerusalem: From the Zohar, 1956, part I, ch. 2; part II, ch. 4.
11. Goetze A., The Laws of Eshnunna, Annual of the American Schools of Oriental Research 31, – New Haven: Yale University Press, 1956.
12. Kennet A. Bedouin Justice. – Cambridge: S.n., 1925.
13. Kornfeld W. L'adulteredansl'orient antique, Revue biblique. – S.1: S.n, 1950.
14. Meek Th. J., Hebrew Origins. – New York: S.n., 1936.
15. Neufeld E., Ancient Hebrew Marriage Laws. – L.: S.n, 1944.

16. Van Selms A. The Goring Oxin Babylonian and Biblical Law,
ArchivOrientalni. – S.1.:S.n., 1950.

17. Weber M., AncientJudaism, Glencoe. – S.1.:S.n., 1952.